

Первая исповедь последнего года

СТО ЛЕТ «CABARET ARTISTIQUE»

АННЫ АХМАТОВОЙ

Анатолий Найман

В ПРЕДБЛОКАДНЫЙ сентябрьский день 1941 года на Михайловской площади сошли с трамвая Анна Ахматова и сопровождавший ее по делу Б. В. Томашевский, выдающийся филолог. В эту минуту завывла сирена воздушной тревоги. Всех погнали в ближайшее бомбоубежище. Первый двор, второй, лестница в подвал. Сели. И вместе произнесли: «Собака».

Артистическое кабаре «Бродячая собака» открылось в канун 1912 года и было закрыто весной 1915-го. Сразу оно стало приютом молодой петербургской богемы, поэтической, художественной, музыкальной, театральной. Перечисление через запятую тех, кто просиживал здесь ночи, занимает добрые полдюжины строк и, за малым вычетом, совпадает со списком первых имен Серебряного века. Ахматова была одной из самых заметных фигур.

На первую годовщину «Собаки» она написала стихи «Cabaret artistique», тотчас ставшие знаменитыми, впоследствии много раз переизданные, еще больше переписанные от руки, выученные наизусть. «Все мы бражники здесь, блудницы, // Как невесело вместе нам! // На стенах цветы и птицы // Томятся по облакам. // Ты куришь черную трубку, // Так странен дымок над ней. // Я надела узкую юбку, / Чтоб казаться еще стройней. // Навсегда забыты

окошки: // Что там, изморозь или гроза? // На глаза осторожной кошки // Похожи твои глаза. // О, как сердце мое тоскует! // Не смертного ль часа жду? // А та, что сейчас танцует, // Непременно будет в аду». И дата — «1 января 1913». То есть вольно или невольно это оказалось первым заявлением, или исповедью, или просто песнью нового года, которому предстояло стать последним и переломным в добротной цепи лет большой эпохи.

Серебряный век уступал Золотому в мощи, но превосходил в культурной оснащенности. Золотой не знал о нем, а он освоил и усвоил все, что произвели тот и следовавшее, разделившее их календарное столетие. Сергей Судейкин превратил подвал дома на Михайловской, 5 не в арт-кафе, как принято сейчас определять это место, а в дупприродное пространство — искусства и бытового помещения. «На окнах были ставни, на ставнях были написаны фантастические птицы. На стене между окон я написал „Цветы зла“ Бодлера». Ахматова последовательно сводит его к аду бодлеровскому и аду дostoевскому: свидригайловской вечности, «комнатенке, эдак вроде деревенской бани, закоптелой, а по всем углам пауки». Бодлеровский тускло освещивает не одними радужными оболочками цветов из небогатического семейства Зла, а и кошки — воплощающейся в отличие от les

